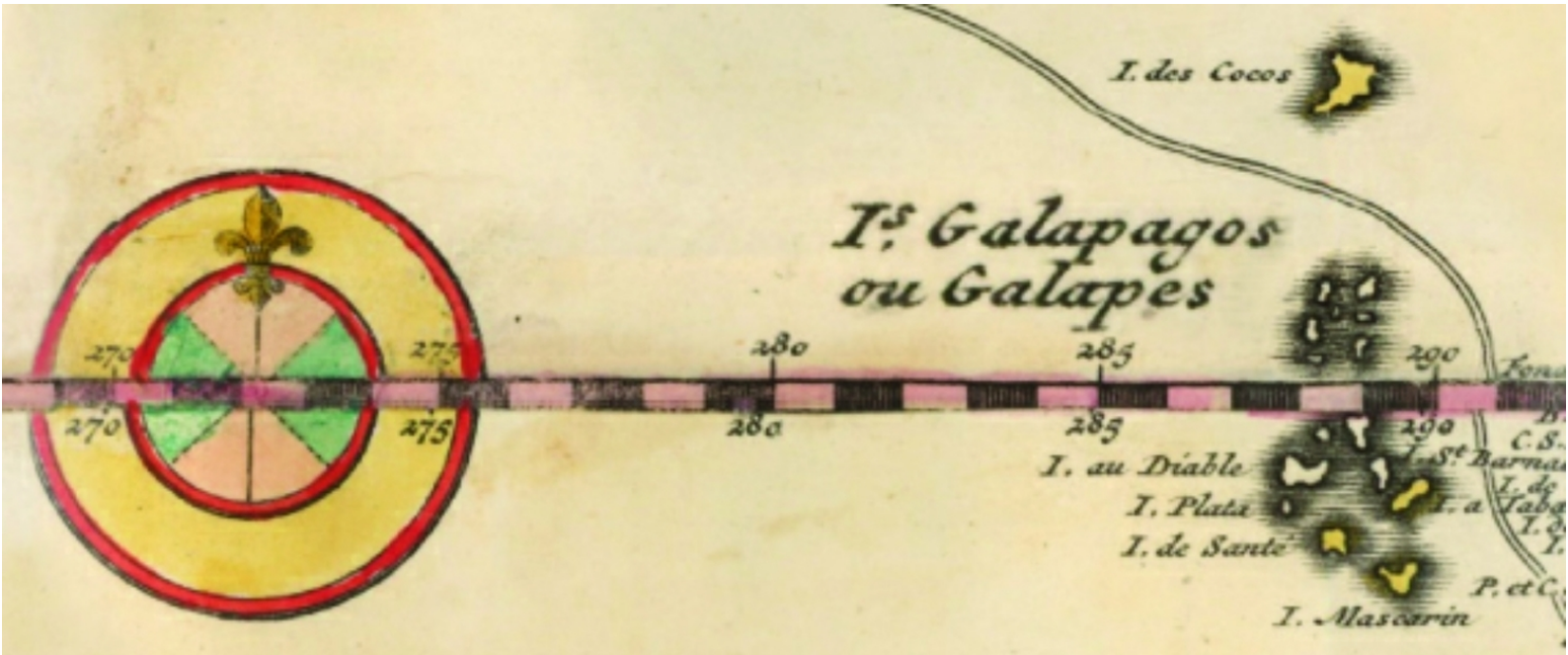
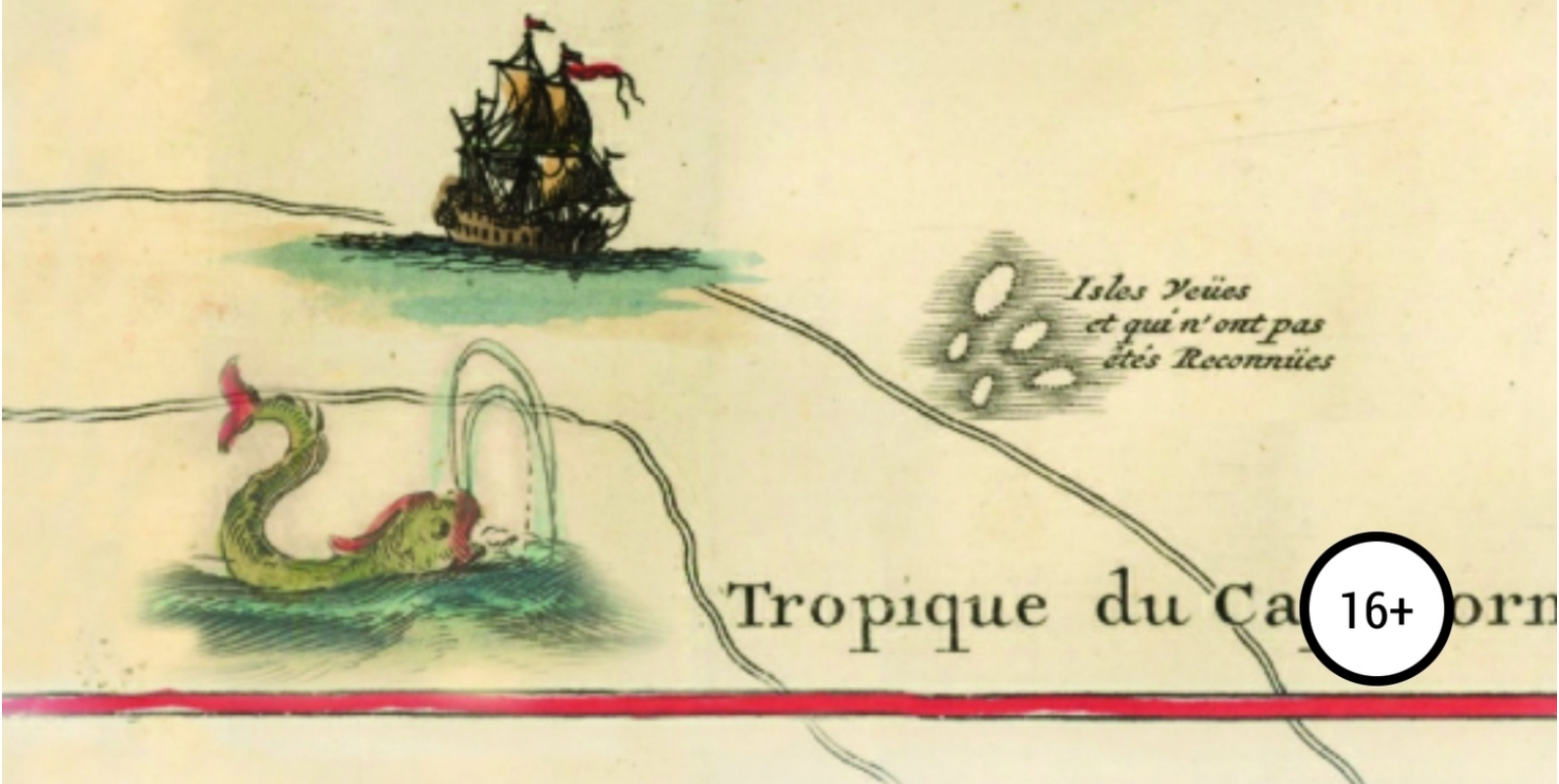


Альберто
Васкес—Фигероа

Путешествие на край света: Галапагосы



16+

Альберто Васкес-Фигероа

Путешествие на край света: Галапагосы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Васкес-Фигероа А.

Путешествие на край света: Галапагосы / А. Васкес-Фигероа — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Через Венесуэлу, вдоль берегов Ориноко и Карони, мимо величественных Тепуи и через бескрайнюю Великую Саванну, мимо лагерей старателей, занятых поиском золота и алмазов, на острова Санто-Доминго и Пуэрто-Рико, затем в предгорья Анд на поиски таинственной «Долины Пирамид» и в джунгли Эквадора, вдоль берегов Напо, и, наконец, Галапагосский Архипелаг, одно из самых интересных и таинственных мест на земном шаре, далекие и мало изученные острова, получившие прозвище «Зачарованные Острова».

© Васкес-Фигероа А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая Путешествие на край света 5
Глава первая Операция «Ноев Ковчег» 5
Глава вторая Прыжок ангела 9
Глава третья Алмазы 18
Глава четвертая Венесуэла 22
Глава 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Часть первая Путешествие на край света

Глава первая Операция «Ноев Ковчег»

Огромный самолет накренился и начал снижаться, оставив ледяные девять тысяч метров, он опустился до духоты и зноя Маикуэтиа. И пока самолет разворачивался, чтобы зайти на посадку, я долго смотрел на море, раскинувшееся внизу, и на проплывающий под крылом грязный порт Ла Гуаира.

Через полчаса, или чуть дольше, таксист, что гнал всю дорогу как помешанный, выгрузил мои вещи и заодно меня перед входом в отель. Все это время он настойчиво старался внушить мне мысль, что лучше остановиться в новом здании «Каракас-Хилтон», но я предпочел «Таманако», чей бассейн, особенно в полуденные, самые жаркие часы, безо всяких сомнений, есть самое приятное место во всем этом городе.

Выйдя из душа, смыв с себя дорожную грязь, я почувствовал себя гораздо лучше, подошел к большому окну, откуда открывался вид на тот самый бассейн, на сады и на сам город, раскинувшийся на фоне горы Авила. Наступал вечер, и не думаю, что где-нибудь в мире существует какая-нибудь другая столица, чьи закаты по своему великолепию могли бы сравниться с закатами над Каракасом, и каждый раз на небе разыгрывается единственное в своем роде, неповторимое зрелище, которым я никогда не устаю любоваться.

А спустя всего лишь несколько минут я уже стоял на пороге дома моего брата, не ведавшего о моем приезде, хотя, скорее всего, он догадывался о том, что в какой-то момент я все-таки объявлюсь, поскольку заранее посвятил его в детали моего проекта «Операция Ноев Ковчег».

Идея этого проекта зародилась здесь же, в Венесуэле, но «корни» его тянутся далеко к другому континенту, к Африке. Прожив там много лет, я на собственном опыте убедился, насколько оправданы опасения, что со временем, не в одночасье конечно, а понемногу, потихоньку, но вся чудесная африканская фауна просто исчезнет с лица земли.

Спустя всего лишь одно столетие половина территории Черного континента, где раньше обитали дикие животные, опустела. А в тех места, где они еще встречаются, выживая как получится, их численность составляет менее одной четвертой от прошлого изобилия.

Даже за то время, не больше чем половина моей жизни, все изменилось самым драматичным образом, и я отлично помню, как в начале пятидесятых годов стада газелей, антилоп и страусов свободно бегали по бескрайним просторам равнин Сахары. А сейчас, во время моей последней поездки в тот же регион пустыни, я ехал день за днем и за все это время не увидел ни одной газели, ни одной антилопы, и даже не было следов, указывающих на то, что здесь когда-то обитали страусы.

И самое грустное заключается в том, что сама пустыня не изменилась, и условия жизни животных, чему я был свидетелем много лет назад, совершенно не ухудшились. А причиной их исчезновения, однозначной и очевидной, можно считать неукротимую страсть человека стрелять во все, что живет и движется.

Пока Испания удерживала протекторат над Марокко и Сахарой, большинство чиновников и военных, обосновавшихся в тех местах, в основной своей массе, любили и относились с уважением как к самой пустыне, так и к ее обитателям. Им нравились те пустынные земли, хотя многие из них были охотниками, но в то же время они умели уважать законы природы, прекрасно знали как и когда можно было стрелять по животным, а когда этого делать не стоит.

Отказавшись же от протектората в Марокко, на территорию Западной Сахары хлынули военные и разнообразные чиновники, для которых это назначение было лишь обязанностью, да

и то мало приятной, для них эти земли были чужими и к ним они не испытывали ни любви, ни даже малейшей привязанности, и самым доступным способом побороть скуку для тех людей было стрелять во все, что движется и шевелится.

В тот день, когда Марокко получила свою долгожданную независимость, старая Сахара, полная романтики путешествий на верблюдах «мехари», многочисленных караванов и сказочных ночей у костра, умерла, а с ней канули в Лету и огромные стада, что до этого паслись среди песков.

Но это лишь была одна из многочисленных причин, приведших к тому, что за сто последних лет дикие животные медленно, но постоянно, исчезали на бескрайних просторах Африки.

Когда-то на севере континента обитали слоны меньшие по размеру, чем их родственники в других регионах, но более приспособленные к здешним суровым условиям, и кого люди приручали уже в глубокой древности, но потом их количество начало стремительно сокращаться, пока последний экземпляр не умер в начале двадцатого века в маленькой деревушке в Тунисе.

Чуть позже, где-то в тридцатых годах двадцатого века, умер последний представитель легендарной разновидности берберийских львов, несравненно более величественные и красивые, чем его собратья с Юга, прославившиеся из-за своей высокомерной, царской внешности и густой, черной гривы, спускающейся до середины груди. Затем пропали египетские газели, из которых уцелело не более сотни экземпляров, исчезли «нью с белым хвостом», выжило лишь несколько штук в неволе, а «зебры Буршеля» и «голубые антилопы» были истреблены полностью, все до последнего животного. «Антилопы-лира» – как их еще называют «бонтебок» – исчезли вместе со своими родственниками антилопами-«блесбок». Все, что от них осталось – это несколько чучел, хотя всего пару столетий назад их многочисленные стада, в буквальном смысле этого слова, покрывали огромные территории на юге Африки.

И так это будет скучно и грустно продолжать перечислять все те виды, что уже исчезли навсегда, и которые, как бы мы этого не хотели и как бы мы не старались, уже никогда не получится возродить. Одни говорят, что таких видов животных около сорока, пессимисты же утверждают, что значительно больше и что на протяжении следующего поколения безвозвратно уйдут и другие.

И винить в этих исчезновениях нужно не только охотников-любителей, но и местное население, чье отношение к собственной природе едва ли можно назвать уважительным, а еще, конечно же, прогресс, и как следствие его – неискоренимая потребность человека противопоставлять себя всему, с чем встречается на своем пути, забирать земли у джунглей и у саванн, продвигаться все время вперед, вытесняя на земли, мало пригодные для обитания, огромные стада животных, что до этого господствовали на всем Черном континенте.

Хотя это утверждение может показаться абсурдным и безосновательным, но Африка стала слишком маленькой. И будет продолжать уменьшаться вплоть до того момента, пока человек и животные не научатся сосуществовать в мире и уважении друг к другу.

За пределами больших заповедников или национальных парков, таких как Серенгети в Кении, или Крюгер в Южно-Африканской Республике, осталось не так уж и много природных уголков, где зебры, жирафы, антилопы, слоны и газели могут бродить в свое удовольствие и в состоянии дожить до, и пережить, историческую дату – начало второго тысячелетия.

Я сам был свидетелем этой трагедии. Видел собственными глазами, как каждый год убивают тысячи слонов для того лишь, чтобы смастерить из их ног подставку для бумаг, как истребляют целые стада зебр с одной целью – изготовить из их шкур ковры. Наблюдал, как разрастаются города, как расползаются в разные стороны шоссе, как расширяются плантации, как зарождалась индустрия, то есть видел все то, что, в конце концов, уменьшает шансы диких животных на выживание.

И пришел к неутешительному заключению, что против этого ничего нельзя поделать. И как когда-то бизоны перестали бродить по прериям Северной Америки, так когда-нибудь и

слоны исчезнут на просторах Африки. Но однажды, когда я работал на алмазных приисках, на реках венесуэльской Гайаны, изобилующих этими драгоценными камнями, я повесил на плечо ружье и отправился побродить по просторам Великой Саванны, чтобы подстрелить на ужин какую-нибудь дичь. И каково же было мое изумление, когда мне пришлось отшагать несколько часов и многие километры, и все это время ни одно животное не встретилось на моем пути, даже прицелиться было не в кого. Тогда я остановился и припомнил, что за все годы, проведенные в Южной Америке (Гайана, Амазония, Льянос или Анды) я постоянно сталкивался с удивительным феноменом, который можно было бы назвать как недонаселенность этих мест фауной. Другими словами: животные там встречались крайне редко, и некоторые регионы саванны, сельвы, гор и речных долин оставались такими же пустынными, как сама Сахара, хотя природные условия в тех местах можно считать оптимальными для жизни животных.

Тогда я начал изучать основательно и скрупулезно эту «среду обитания», и после четырех лет исследований и сравнений пришел к выводу, что по своим климатическим условиям, по свойствам почвы, по составу травяного покрова, по изобилию источников пресной воды и даже по основным характерным особенностям пейзажа, между венесуэльской Великой Саванной и африканским саваннами не было никаких существенных различий; точно так же, как не существует каких-то фундаментальных различий между Льянос и амазонской сельвой и некоторыми областями пустынь.

Таким образом, на территории Южной Америки присутствуют миллионы гектаров совершенно пустынных земель, к которым человек не проявляет никакого интереса и которые могли бы стать новой «средой обитания» для всех тех видов животных, лишенных надежды на выживание на их родном континенте.

Придя к подобному заключению, я перешел к следующему этапу и посвятил свое время изучению возможности акклиматизации разных видов африканских животных на новых землях, если бы появилась возможность их переселения. Также выяснил, что все те виды, какие были завезены на территорию Южной Америки по тем или иным причинам, сумели прекрасно приспособиться к новым условиям. И речь не идет о коровах, лошадях, курах или каких-либо других одомашненных животных. Речь идет о других животных, как например, буйволы или «capra hispanica», что развивались и размножались на свободе без малейших проблем.

Более века назад один скотовод завез на остров Марао, в устье Амазонки, пару африканских буйволов, и в настоящее время они размножились до такого количества, что охота на них стала чуть ли не основным источником дохода и способом привлечения туристов. В другом случае, судно, перевозившее среди прочего груза несколько экземпляров «capra hispanica», потерпело крушение напротив небольшого острова недалеко от берегов Венесуэлы, где теперь их водится столько, что толком никто не знает численность этих животных. Убедившись, таким образом, что существуют условия и возможности для спасения африканских животных, я поселился в Южно-Африканской Республике, где познакомился с руководством национальных парков. Хотя вначале они и были несколько удивлены моей идеей, но, спустя некоторое время, все же согласились с тем, что для подобного переселения животных не существует никаких препятствий. Если подобное начнется, то они готовы принять в этом процессе участие, потому что в Парках постоянно возникают проблемы, связанные с жизненным пространством, с водой и пропитанием животных.

В те дни в парке Крюгер должны были забить три тысячи слонов, поскольку высокая численность этих больших животных могла привести к голоду среди других обитателей заповедника.

– Эх, если бы я мог забрать с собой эти три тысячи слонов в Амазонию, – с большим сожалением комментировал я тогда все это, – им бы потребовалось, наверное, миллион лет, чтобы съесть там всю растительность.

Это истребление животных, необходимое и обязательное, но вместе с тем и болезненное, еще раз подтвердило, что моя идея, которую я назвал «Операция Ноев Ковчег» правильная, и я должен продолжать делать все возможное, для ее реализации, воплотить мою мечту в жизнь и увидеть как по бескрайним, пустынным землям Америки бродят большие стада слонов, жирафов, газелей, антилоп, страусов и прочих видов животных, что когда-то, на протяжении многих столетий, украшали зеленые склоны африканских холмов.

Это и была причина моего приезда в Венесуэлу: найти сторонников и поддержку моему проекту.

Но я приехал не с пустыми руками – до этого мне удалось заинтересовать одну крупную компанию, занимающуюся воздушными перевозками между Южной Африкой и Европой и Европой и Южной Америкой, руководство которой согласилось бесплатно перевезти животных через три континента.

Мой брат, знавший про все мои иллюзорные планы и поддержавший их, совместно с выдающимся писателем и журналистом Хосе Антонио Риал, обосновавшимся также в Венесуэле, решили, что организация, способная помочь реализовать в жизнь мои проекты – это Венесуэльская Корпорация Гайаны – структура, обладающая невероятным экономическим влиянием, что отвечает за развитие одного из самых богатых регионов планеты: венесуэльской Гайаны.

До этого они встречались с ее президентом и поставили его в известность: генерал Рафаэль Альфонсо Раварт – человек удивительной работоспособности, и хотя за все это время правительство менялось три раза, и в последний раз к власти пришли те, кого можно было бы назвать его политическими врагами – «Христианские Демократы» во главе с президентом Рафаэль Калдера – генерал продолжал оставаться на своем посту и никто не осмеливался убрать его оттуда.

Венесуэла одна из немногих стран, где придерживаются того правила, что если человек полезен для дела, то он остается заниматься этим делом, независимо от образа и направленности его мыслей.

Генерал принял меня в своем кабинете в офисе компании, занимающем целое здание компании «Шелл», расположенном рядом с моим отелем, и в течение нескольких часов мы обсуждали возможность превращения Великой Саванны – на тот момент земля старателей, добывающих там золото и алмазы – в огромный Парк для Акклиматизации. Через несколько лет стада африканских животных будут там таким же обыденным зрелищем, как и на просторах Серенгети. Толпы туристов будут приезжать туда со всего мира, особенно из Северной Америки, поскольку перелет из Майями занимает не более пары часов, чтобы насладиться необыкновенным зрелищем.

Животные привлекут туристов, появление туристов в тех местах, в свою очередь, привлечет внимание разнообразных деловых кругов, и это оживит, придаст огромной территории, с землями пустынными и сейчас почти необитаемыми, импульс в развитии.

Генерал уже определился с местом, где будут размещены первые животные: старинное ранчо «Ато Масобрио», расположенное между реками Ориноко и Карони, рядом с недавно построенной плотиной Гури.

На карте он показал выбранный район и спросил:

– Хотели бы лично осмотреть место?

– Вообще-то, эти места мне знакомы, – ответил я. – Но мне было бы приятно взглянуть на них еще раз.

– Тогда, завтра в восемь утра один из наших самолетов будет ожидать вас.

Глава вторая Прыжок ангела

На следующее утро в восемь часов, как и было оговорено, нас ожидал самолет, чтобы перенести в Пуэрто-Ордаз на берегу Ориноко, в том месте, где река впадает в Карони. Весь полет должен был занять не более часа.

Хосе Антонио Риал решил лететь со мной. Ему очень хотелось посетить этот город, который можно назвать чудом, построенным руками человека.

Даже сейчас Пуэрто-Ордаз можно считать самым современным городом в мире. Может быть, более современным, чем Бразилия – искусственная столица этого государства – а когда, лет десять назад, я бродил по тем местам, то там не было ничего, кроме жалкой кучки хижин, что именовалась Сан-Феликс и застраивалась безо всякого плана, никому не была интересна, да и жизни там не было почти никакой. В настоящее время Сиудад-Гайана, название этого города, более известное во всем мире, чем Пуэрто-Ордаз, насчитывает почти двести пятьдесят тысяч жителей, улицы все асфальтированные, а мосты, парки, сады, общественные здания построены в самом современном, смелом архитектурном стиле. А близость к плотине Гури, к рудникам Серро-Боливар и к залежам бокситов – возможно, самым богатым в мире – открывают перед этим городом многообещающее, светлое будущее. С другой стороны, размещение города между двух рек, рядом с водопадами и порогами «Льовизна» и «Качамай», во многом удобно и даже привилегированно, поскольку дневные температуры там хоть и высокие, но удушающего зноя не ощущается.

Визит на земли ранчо «Ато Масобрио» был запланирован на следующий день, но, чтобы не терять время понапрасну, я решил пройти вдоль берега озера и осмотреть структуру плотины Гури, что во время моего предыдущего приезда, год назад, была закончена лишь наполовину.

В часе ходьбы от Пуэрто-Ордаз, вверх по течению, черные воды Карони разбиваются о стену высотой в сто десять метров и невероятной толщины, которой инженеры перекрыли древний каньон Некуима. И перед стеной простирается гигантское водохранилище, площадью восемьсот квадратных километров, где сформировался настоящий лабиринт из островов и заливов, совершенно изменив пейзаж, какой я помнил, когда бывал здесь раньше.

Говорят, что после завершения строительства, Гури станет самой высокой плотиной в мире, выше, чем даже знаменитая плотине в Асуане, в Египте, но больше, чем технические аспекты этого проекта, меня всегда восхищали те усилия, какие были затрачены для спасения диких животных, обитавших на землях, обреченных оказаться под водой.

В прошлом году здесь снимали документальный фильм, посвященный этой операции, что так и называлась – «Операция Спасение», и я с удовольствием вернулся сюда, узнать про результаты и встретиться с режиссером этого фильма, доктором Альберто Брузуал, специалистом по фауне Гайаны, и с кем я некогда вел длительные беседы о моем проекте по переселению африканских животных.

Когда я напрямую спросил его – сколько животных удалось спасти, он ответил, что удовлетворен работой своей команды:

– Более восемнадцати тысяч всяких особей, – добавил он. – И еще там некоторые остались. В общем и целом, вся эта «Операция» завершилась успешно, если принять во внимание, что погибло всего триста животных, то количество потерь несравненно ниже, чем число спасенных животных. Наибольший процент смертей приходится на кайманов и на анаконд – животных, которым, по нашим первоначальным расчетам, помощь-то и не нужна была вовсе.

Мне это показалось странным, поскольку все эти животные были прекрасно приспособлены для обитания в водной среде, но доктор пояснил:

– Следовало принять в расчет, что эти животные не все время ведут водный образ жизни, как рыбы. Все они дышат через легкие. Да, они ныряют и остаются под водой, охотясь, но всегда возвращаются на берег. Однако, после затопления, когда створы на плотине закрылись, они вдруг оказались посредине такого количества воды, что многие умерли от страха, сошли с ума от всей этой воды без берегов вокруг них. Очень часто расстояние до ближайшего берега составляло километров пять, не меньше, и это очень много для анаконды или каймана. Когда мы начали находить их тела, то пришлось пересмотреть все наши планы по спасению.

Все это, в чем я лично принимал участие, оказалось более чем интересно. Рано утром, едва рассветало, пироги и моторные лодки спускались на воду и отправлялись на поиски животных, попавших в беду, или спасти тех, кого обнаружили накануне – как обычно, против их воли – забрать с маленьких островов, что еще возвышались над поверхностью воды, и где они, на данный момент, нашли убежище, но ненадолго, потому что эти участки земли были обречены погрузиться под воду. Там приходилось выпускать собак-следопытов, чтобы те заставили животных прыгнуть в воду, где поймать их было гораздо легче, чем на суше. Обезьян, ленивцев, и даже дикобразов, и разнообразных кошачьих нужно было вначале заставить спуститься с деревьев, и мало кто из охотников не возвращался без следов зубов возмущенных обезьян на разных частях тела.

Самыми опасными оказались змеи, которых удалось спасти около тысячи, и из этой тысячи только сто оказались по-настоящему ядовитыми. Спасли также около пяти тысяч сухопутных черепах, в Венесуэле их еще называют «морокойес», и еще штук пятьсот дикобразов. Весьма поучительно выделить тот факт, что одинаково отнеслись ко всем животным, и к тем, которые считаются миролюбивыми, и к тем, кто таковым не считается – главное было сохранить естественную фауну во всей ее природной чистоте, без какой-либо дискриминации.

Дальнейшая судьба всех этих животных была самая разная. Основную часть перевезли – после краткосрочного отдыха, чтобы те забыли пережитый страх – на большой остров Короима, где на территории площадью в полторы тысячи километров достаточно места и пропитания для всех животных. Других отправили в разные зоопарки, а ядовитых змей поместили в серпентарий, где они теперь участвуют в изготовлении противоядий.

Вся эта «Операция Спасение» – согласно моим данным – оказалась достаточно дорогим мероприятием, поскольку при ее проведении были задействованы самые разнообразные средства, начиная от флотилии небольших суденышек и кончая вертолетами. Но результат стоил всех затраченных усилий, и в очередной раз человек продемонстрировал, что способен уважать Природу.

Особенно я оценил тот факт, и это очень порадовало меня, что венесуэльцы не пожалели денег на проведение этой «Операции», у которой было много общего с тем, что мы планировали сделать.

На следующий день небольшой одномоторный самолет, пилотируемый ветераном Гайаны, Педро Вальверде, за двадцать минут перенес нас на ранчо «Ато Масобрио», чьи пастбища были выкуплены Корпорацией Гайана, потому что часть из этих земель должна была оказаться на дне водохранилища перед плотиной Гури.

Те животные, что будут привезены из Африки, получат здесь и воду, и обширные пастбища, в этой Великой Саванне, расположенной на высоте в полторы тысячи метров и что протянулась вдоль всего правого берега Ориноко.

Места эти невероятно красивы, навевают чувство спокойствия и умиротворения. То тут, то там виднеются рощи из пальм мориче, что придают всему пейзажу вид почти райский, протекает множество рек и ручьев, несущих с собой золото и алмазы. Все эти земли почти пустынные, поскольку на всем их протяжении обитает всего лишь три процента населения Венесуэлы. Население состоит из сборщиков каучука, разнообразных любителей приключений, а также

тех, кто занят поиском золота и алмазов, и еще там живут немногочисленные индейские семьи, миролюбивые по большей части и добывающие себе пропитание рыбной ловлей и охотой.

В свое время реки в этих местах изобиловали всякой живностью, но теперь жизнь здесь истощилась из-за привычки индейцев использовать яд «барбаско», что добывают из сока некоторых растений, и обладающий редким свойством одурманивать рыбу, после чего та поднимается на поверхность, где ее и собирают почти голыми руками.

Но все же не всю рыбу извели, в реках водится множество свирепых пираний, электрические угри, опасные скаты с шипами на хвосте, укол которых очень болезнен и еще одна рыба, обитающая исключительно в этих местах, под названием «четыре глаза», чей ближайший родственник будет найден позже на Галапагосах. Свое название, «четыре глаза», рыба получила из-за того, что и ее зрачок, и ее глазное дно разделены пополам: одна часть наверху, другая внизу, и это позволяет рыбе, когда она плавает у поверхности, видеть все, что происходит над водой и одновременно под поверхностью воды. Рыба выискивает пропитание на дне и в то же время следит за появлением своих врагов: чаек и уток, нападающих сверху.

Другая особенность этой рыбы – это то, что она живородящая, самка производит на свет потомство уже почти полностью сформировавшееся. Анальный плавник самца трансформировался в орган, способный вводить семенную жидкость в тело самки, и еще один любопытный момент – у половины самцов этот анальный плавник отклонен влево, а у другой половины – вправо. Таким образом, прежде чем совокупиться с самкой, самцу еще требуется найти ту, что подходит именно ему, под его плавник.

Что касается фауны этих мест, то она такая же малочисленная, как и человеческая популяция. Зато птиц здесь обитает великое множество, особенно попугаев и колибри, а также туканов, дятлов, но что касается других животных, то можно бродить днями напролет по этим равнинам и не встретить ни одно живое существо, тем более съедобное. И, тем не менее, эта Великая Саванна представляет из себя великолепную среду обитания для сотен самых разнообразных видов.

Может так случиться, что время от времени на нашем пути встретится дикобраз или броненосец, может быть, даже мы повстречаемся с муравьедом или анакондой, или одиноким ягуаром. Гораздо сложнее найти какого-нибудь оленя, косулю, лисицу или кабана. На берегах рек обитают игуаны и капибары, некогда селившиеся здесь большими колониями, но из-за безжалостного и неумолимого их истребления индейцами, которые считают этих животных деликатесом, популяция стремительно сокращается. На вершинах деревьев живут обезьяны, особенно обезьяны-ревуны, «белолицые» обезьяны капуцины, пауки «черная вдова», но их колонии не настолько многочисленны, как в Амазонии.

Это и есть тот регион, куда я собираюсь перевезти животных, находящихся на грани вымирания в Африке. И может так случиться, что это будет первым шагом на пути заселения Южной Америки видами, какие хоть никогда не обитали здесь раньше, но, тем не менее, не существует причин, по которым они не смогут жить в этих местах в будущем.

Если мы хотим, чтобы к середине следующего века наши потомки смогли восхищаться слонами, жирафами или гиппопотамами, то добиться этого можно, лишь переселив животных в амазонскую сельву или на просторы Великой Саванны. По-другому не получится, теми темпами, какими мы истребляем их сейчас, они будут знать об этих животных приблизительно столько же, сколько мы знаем про птицу додо или про мамонта.

Завершив свой визит на ранчо «Ато Масобрио», а, следовательно, причина моего пребывания в Пуэрто-Ордаз была исчерпана также, я, тем не менее, не смог воспротивиться соблазну пройти снова вдоль тех рек, через те поселки и леса, где бродил когда-то, почти восемь лет назад, охваченный алмазной лихорадкой, с одной лишь целью – найти своих старых друзей, которых оставил, когда вынужден был уехать.

Нашему пилоту, Педро Вальверде, эта идея пришлась по сердцу, и он заверил меня, что и сам он, и его самолет находятся в полном моем распоряжении и готовы доставить меня в любой уголок, лишь бы хватило горючего и по пути не произошло чего-нибудь непредвиденного. И так как в Гайане отсутствует понятие времени, понятие расстояния и никто никуда не спешит, то я решился начать мои поиски.

– Скорее всего, вы найдете их в местечке Пауль, – сказал он. – Недавно там обнаружили залежи алмазов, самые большие, какие удалось найти за последние годы.

И так, не тратя время на понапрасну на размышления, мы полетели на юг. Под крылом пронеслась плотина и большое озеро Гури, и спустя час, следуя все время вдоль русла реки Карони, мы увидели перед собой отвесные утесы Тепуи, скалистые плато, поднимающиеся над Великой Саванной, словно гигантские замки. С вершины одного из таких утесов, Ауянтепуи, низвергается впечатляющий водопад, самый высокий в мире, около тысячи метров от вершины до основания, названый «Прыжок Ангела». Где-то, приблизительно посередине, поток исчезает, испаряется, превращаясь в облако из крохотных капелек воды, которое позже, внизу, конденсируется и дает начало реке Каррао, одному из притоков Карони, в русле которой было найдено множество алмазов.

Действие своего знаменитого романа «Затерянный мир» Конан Дойль разворачивает не где-нибудь, а именно на вершинах этих утесов Тепуи. И на самом деле, не так уж и невероятно, что какое-нибудь небольшое животное, неизвестное до сих пор, продолжает обитать там, в изоляции от прочего мира, с того самого времени, когда в Третичном периоде эти Тепуи резко поднялись над равниной.

В 1936 году американский пилот Джимми Ангел открыл этот водопад, который теперь носит его имя. Спустя несколько лет, он попытался приземлится на своем самолете на вершине Ауянтепуи, и, в общем-то, это ему удалось, вот только колеса самолета увязли в грязи и он перевернулся, пришлось ему оставить самолет там же. Он сумел спуститься с того утеса, но спустя некоторое время умер и был похоронен рядом со своим любимым водопадом. Чуть позже пара искателей приключений из Северной Америки, уверенные, что Джимми оставил наверху целое состояние в виде найденных им алмазов – легенда, которая до сих пор живет в тех местах – также попытались приземлиться там же, на вершине, но с тем же результатом – они разбились. Останки обоих самолетов так и остались лежать на вершине Тепуи, и их можно рассмотреть, пролетая над этим местом.

Облетев Ауянтепуи несколько раз на предельно малой высоте, Вальверде наконец-то показал настоящее мастерство в пилотировании, направив наш самолет в устье каньона, между двух его стен, что начинается с южной стороны, и этот полет был самым впечатляющим, самым невероятным, какой мне пришлось испытать в своей жизни. Расстояние между теми стенами, словно обрезанными гигантским ножом, составляет менее ста метров, а глубина достигает тысячи метров. Казалось, что деревья, растущие на склонах, летят прямо на нас. Валверте уменьшил обороты, и двигатель поперхнулся раза четыре или пять, словно собирался остановиться совсем. Собственно говоря, у любого человека есть право признаться в том, что он когда-то испытывал страх, вот и сейчас я должен сознаться, что в тот момент почувствовал, словно бы железная рука сжала мне горло, сердце и одновременно схватила за живот.

Наш самолетик больше походил на лист бумаги, который крутился и скользил вниз, преследуемый мощными воздушными потоками, что циркулируют в том ущелье и, честно сказать, я не думал, что у нас есть хоть какая-нибудь надежда выбраться оттуда.

Однако, почти у самой земли, Валверте прибавил обороты, выровнял нос самолета и, повернув налево, обогнув угол уступа, мы вылетели прямо к водопаду «Прыжок Ангела», который возник перед нами так близко, такой величественный, низвергающийся прямо с неба, и капли воды покрыли все стекло кабины. До сих пор точно не помню, как нам удалось набрать высоту и выбраться оттуда. Единственно, что помню – это чувство страха и одновременно…

восторга, которые переполняли меня во время всех этих виражей, что больше напоминали «русские горки».

Когда мы уже оставили позади каньон и летели дальше, Вальверде улыбался, хотя и было заметно, как он слегка побледнел. Позже, все же, сознался, что тоже ощутил это странное чувство из смеси страха перед каньоном Ауянтепуи и одновременно притяжения к нему, и что он уже пролетал через каньон четыре раза, и был уверен, что когда-нибудь все-таки разобьется о его дно. Потом показал мне на небольшую площадку на расстоянии в пару километров, где виднелся скелет разбившегося там самолета.

– Этих каньон тоже приманил, – прокомментировал он, – и вот они – все погибли.

Крайне симптоматично, что в этих отдаленных, труднодоступных местах, где самолет оказывается порой единственным средством транспорта, почти у каждой взлетно-посадочной полосы, в начале или в конце, лежат куски разбившихся летательных аппаратов, и их не убирают то ли из-за лени, то ли оставляют в качестве предупреждения пилотам, что в какой-нибудь из дней и с ними может случиться подобное.

Когда Ауянтепуи остался у нас за плечами, Вальверде указал на какую-то точку на горизонте в юго-западном направлении.

– Вот там находится испанская миссия францисканцев, – сказал он. – Не хотели бы нанести им визит?

Идея пришлась мне по душе, и минут через двадцать мы приземлились на плато. Воздух здесь был прохладен и свеж. Невдалеке от того места, где мы сели, поднималось массивное здание из камня, рядом раскинулась небольшая индейская деревня, насчитывающая около тридцати домов: Кабанайен.

Как только мы вылезли из кабины, к нам подошли два монаха: святой отец Куитилиано де Зурита, возглавлявший эту миссию, и святой отец Мартин де Армельяна. Первый выглядел как старец – белая борода и добродушное, открытое лицо, в Венесуэле он жил уже тридцать два года, и все это время на пустынных землях Великой Саванны, и он признался нам, что в миру его звали Хулио Солорзано Перез, родом из Зуриты, из деревни Сантандер, что располагается невдалеке от Торрелавега.

Про второго не помню откуда он был родом, помню только, что любил читать, собрал целую книгу рассказов и легенд тех индейцев, которые жили при Миссии.

Эти индейцы, называвшие сами себя «пемонес», принадлежат к племенам аринготос, камаракотос и алекуна, хотя при посторонних предпочитают, чтобы их все-таки называли именно «пемонес». Люди они мирные, живут под защитой Миссии, занимаются тем, что выращивают рис, разводят скот и охотятся на ту дичь, какая в небольших количествах водится в тех широтах. Когда же я спросил падре Армельяна как и чем живут здесь миссионеры, он, не задумываясь и не моргнув, ответил:

– Исключительно благодаря чуду, сын мой.

И я не удержался и рассмеялся такому быстрому и простому ответу, потому что действительность превосходит все скромные ответы. Собственное стадо Миссии насчитывает пятьсот голов, а площадь рисовых полей так и просто впечатляет. Самая главная проблема миссионеров заключается в том, что не существует надежного пути по земле, связывающего Миссию с остальным миром. И все, что требуется для жизни, начиная от продуктов питания – сахар, масло, мука или кофе и кончая цементом, при помощи которого и было возведено здание Мисси и дома индейцев, завозится сюда по воздуху, на самолетах.

Ближайшее обитаемое место – это печально известная венесуэльская тюрьма «Эль Дорадо», о которой не так давно много говорили из-за новеллы Генри Чарьере «Папильон», где он описывает это «исправительное» заведение.

«Эль Дорадо» располагается в получасе лета на север. А с южной стороны простираются недоступные и неизученные горы Сьерра-Паракаима и полные тайн вершины Рораима . Нико-

гда нога белого человека не ступала ни на те вершины, ни на тот горный массив, и ходят слухи, что это последнее прибежище племени женщин-воительниц, «амазонок», в честь которых и назвали ту великую реку, которую открыл Орельяна.

И так уж случилось, что я провел три месяца, блуждая по амазонской сельве от Гуаякиля на тихоокеанском побережье, до Белен де Пара на атлантическом берегу, следуя шаг за шагом по следам Орельяна и одновременно пытаясь разузнать как можно больше от судьбе тех женщин-воинов. Мои исследования привели к заключению, что приблизительно два века назад последние из амазонок укрылись в одной из долин Сьерры-Паракаима. И поскольку Миссия располагается рядом с теми горами, то я захотел узнать что обо всем этом думаю монахи.

– Не так уж и много, – скромно ответили они. – Добраться до этих гор совершенно невозможно и, тем более, мы ничего не знаем о тех, кто попытался проникнуть туда. Племена, живущие в округе, в основном ваикас и гуахарибос, ведут себя крайне враждебно, а еще глубже в горах и в сельве, как люди говорят, живут другие племена, настроенные еще более враждебно и воинственно, и не позволяют никому приблизился к тем местам. Мы и сами не уверены в том, что какое-то из тех племен не состоит из женщин, но на данный момент это недоказуемо, поскольку любые новости, любые слухи непременно дошли бы до наших ушей.

– Однако, – возразил я, – кое-кто из пилотов, пролетавших над теми местами, утверждают, что видели с воздуха среди деревьев мосты и города, построенные из камня. По крайней мере, руины. И вы, наверняка, знаете, что в соответствии с легендами и традиционными рассказами местных, только амазонки могли возводить сооружения из камня.

– В самом деле, говорят про это много, – согласились монахи, – но пока кто-нибудь не будет в состоянии дойти туда и проверить все лично, подобные рассказы останутся лишь фантазиями. К великому сожалению, вся эта область совершенна непроходима, и на данный момент мы не верим, что найдется такой смельчак, отважившийся на подобную авантюру.

Остаток утра мы провели в компании с миссионерами из Кабанайен, те были очень внимательны и заботливы по отношению к нам. Затем мы полетели обратно, пролетели рядом с Ауянтепуи и водопадом «Прыжок Ангела», но на этот раз они были скрыты от нас густым туманом, и приземлились в одном из самых красивых уголков Земного шара: в Канаиме.

И водопады, и озеро Канаима, по моему мнению, представляют самый настоящий райский уголок, какой можно себе вообразить на Земле.

Представьте себе: пляжи из белого песка, прозрачнейшая вода в озере и ни намека на каких-нибудь опасных животных, климат самый приятный, высокие пальмы «мориче» склонились над водой, словно только для того, чтобы подарить густую тень купающимся в озере. Без сомнения, это то самое место, где я с удовольствием поставил бы дом и остался жить навсегда.

Вдали, над краем водопадов «Ача» и «Сапо», виднелся, едва различимый на фоне неба, силуэт Ауянтепуи. Люди, живущие в этих местах, уверяют, что в ясные дни можно различить даже облако водяной пыли над «Прыжком Ангела». А вокруг простираются бескрайние луга, с редкими деревьями, пальмы, протянувшиеся длинными цепочками, и над всем этим пространством застыло чувство одиночества и невероятной тишины.

Проезжая через Гайану, меня всегда тянет завернуть в Канаиму, пусть на несколько часов, и когда подходит время уезжать, я ощущаю приблизительно то же самое, что должен был чувствовать Адам, когда его выдворили из рая.

Мы полетели дальше и, спустя некоторое время, догнали гидросамолет старателей, направляющихся, как и мы, к месторождению алмазов в Сан-Сальвадор де Пауль. И спустя четверть часа уже приземлились на великолепной взлетно-посадочной полосе, что пять тысяч горняков, работая бесплатно, построили за один день. А другого выхода у них не оставалось – это единственный путь, связывающий Сан-Сальвадор де Пауль с остальным миром и проходит он по воздуху. Двадцать пять самолетов ежедневно курсируют туда-обратно, образуя что-то

вроде воздушного моста, по которому в город доставляется все необходимое, начиная от хлеба и мяса, кирок и лопат и кончая солью.

Как только самолет остановился в конце полосы, нас сразу же окружили солдаты Национальной Гвардии.

Все, что они хотели, это удостовериться, что ни капли спиртного, ни грамма самого безобидного пива не попадет в лагерь горняков. Алкоголь, в любой его форме, строжайше запрещен на территории Пауль, поскольку известно из предыдущего печального опыта, что именно выпивка приводит к самым серьезным, самым кровавым конфликтам в подобных местах.

Меньше чем за две недели, Пауль, представлявший из себя пару-тройку хижин, затерянных на бескрайних просторах Великой Саванны, превратился в город с населением более десяти тысяч человек, потерявших голову из-за золотой и алмазной лихорадки, заполненный всякими авантюристами, старателями, проститутками, контрабандистами и ювелирами – мир, где алкоголь привел бы к еще большему количеству конфликтов, возникавших и так без видимых на то причин, а потому полиция и армия постарались, чтобы в городе, где на момент нашего прибытия обитало почти пятнадцать тысяч человек, не было ничего, кроме освежающих напитков и кофе. Цены на те немногие напитки, содержащие алкоголь, что контрабандистам удавалось пронести в город, достигали таких астрономических значений, что если человек и захотел бы напиться, то должен был выложить сумму эквивалентную недельному заработку.

Убедившись, что на борту нашего самолета нет ничего спиртного, у нас поинтересовались, прилетели ли мы как старатели, потому что в этом случае нам полагается выдать разрешение на право вести разработки на территории в десять квадратных метров к югу от поселка. На подобных разработках, как эти, называемых «свободными» или «свободного пользования», подобные разрешения должны выдаваться всем: и венесуэльцам, и иностранцам, никому нельзя отказать, и каждый старатель выбирает для себя участок в соответствии с полученным ордером.

Узнав, что наш визит обусловлен лишь интересом и еще желанием повстречаться со старыми знакомыми, лейтенант Национальной Гвардии, широкоплечий юноша, по имени Хосе Али Эрнандез, предложил свою помощь и приказал позвать сержанта, кто, по его мнению, знал большую часть профессиональных старателей.

Когда же я спросил у сержанта про «Катире» Себастьян и «Черного» Томаса, тот лишь отрицательно покачал головой. «Катире» он никогда не встречал и ничего не знал про него, а что касается Томаса, то год назад его труп выловили в водах реки Ла Парагуа.

Хотя я много лет ничего не слышал про «Черного» Томаса и был уверен, что когда-нибудь он закончит свои дни похожим образом, но все же такой финал произвел на меня тяжелое впечатление. Для меня он всегда был и останется необыкновенной личностью, с кем меня связывала большая дружба, и кем я даже восхищался при некоторых обстоятельствах, хотя многим он представлялся заурядным, бедным, необразованным бродягой.

Для любого человеческого существа углубиться в негостеприимные дебри амазонской сельвы, бросить вызов речным порогам и стремнинам, мучиться от тысячи болезней, встретиться один на один с ягуаром или с большой змеей, жить с постоянной угрозой быть укушенным маленькими, но очень ядовитыми, гадюками, или натолкнуться на «паука-обезьяну» – гигантского паука птицееда или на «муравья-двадцать четыре» – представляло бы незабываемое приключение, самый невероятный кошмар наяву, жизнь, которой не позавидуешь, и мучительное существование, какое можно терпеть лишь при гарантированном условии, что в конце концов в руки попадет целое состояние. Но для «Черного» Томаса все это было лишь естественной формой существования, единственное, какое он знал, и к которому он привык с самого рождения, он и не чувствовал в себе ни желания, ни сил изменить эту жизнь, найти для себя что-то новое, более привлекательное. Родился он в лагере искателей алмазов, на берегах той самой Ла Парагуа, где и встретил свою смерть, и никогда не знал ничего другого, кроме как

«уйти на промысел», откуда он то возвращался неимоверно богатым, чтобы потом спустить все до последнего гроша, то беднее бедного, без гроша в кармане. Мать его была бродяжкой, ходила от одного лагеря к другому, а отец… да любой из старателей, кто попался ей на тропе через лес или вдоль берега реки; но он не чувствовал себя обиженным, да и никогда это не беспокоило его.

Среди его друзей-мальчишек все были такими же, как он, можно сказать, они принадлежали к одному классу. Росли все вместе и вместе становились старателями. Те же, кто приходил со стороны, были авантюристами, а уж этих можно было обвинить в делах более серьезных, чем отсутствие отца.

С другой стороны, обидеть Томаса можно было и по-другому, но, так или иначе, те, кто знал его, старались не делать этого, поскольку многим в Гайане было известно, что у Томаса «веселое мачете», и если он хватался за него, то это могло закончиться для обидчика какой-нибудь дьявольской шуткой.

Мачете у Томаса всегда было чистым, отполированным до блеска и острым, так что с него можно было есть. И столько историй рассказывали про него. Вообще, не сосчитать и не пересказать сколько историй бродит по лагерям старателей! Поговаривали, что это оружие замешано то в одной, то в другой смерти, и будто оно же виновато в том, что у одного русского по прозвищу «Канталехо» не хватает трех пальцев на руке, хотя сам русский никогда по этому поводу особенно не распространялся.

Вся эта история произошла много лет назад, когда Томас, будучи еще мальчишкой, ушел как-то с тем русским «на промысел», но спустя три дня вернулся в дурном расположении духа и без алмазов, а тот, другой, еще и без пальцев. Злые языки утверждают, что в то время за «Канталехо» замечали какие-то весьма странные склонности и не менее странные привязанности, которые после этого похода за алмазами куда-то исчезли.

Как бы там ни было, но совершенно очевидно, что «Черный» Томас не любил дурацкие шутки и заслужил, чтобы с ним обращались с уважением, а в мире старателей, искателей золота и алмазов, если ты не можешь заставить других уважать себя, то тебе лучше подыскать какое-нибудь другое занятие.

С самого рождения Томас не знал другого закона, кроме как «сам за себя», и другого способа исполнить его, кроме как при помощи силы, и всегда придерживался этих двух правил. Свободные граждане Гайаны, старатели, работающие в джунглях, никогда не признавали ни полицию, ни армию, ни юстицию, так, как это делают остальные смертные. Со своей стороны и полиция, и армия, и даже органы юстиции демонстрируют удивительное согласие между собой и полное безразличие по отношению к этим индивидуумам, большинство из которых всегда держат наготове «веселое мачете» и быстрый револьвер.

Сан-Сальвадор де Пауль представляет из себя отдельно взятый случай, исключение из общего правила, потому что благодаря размеру открытых залежей алмазов он очень быстро превратился в настоящий город. Но при других обстоятельствах, естественных, так сказать, нож, револьвер и винтовка являют из себя очень важную составляющую в жизни старателей. Первое время, когда я попал в их среду обитания, и это было несколько лет назад, я очень редко расставался со своим пистолетом, хотя в моем случае подобная предосторожность оказалась излишней, поскольку дружба с «Черным» Томасом помогала избежать любой опасности, и всякий, кто не искал кровной мести, а таких редко найдешь, не решались предпринять в отношении меня что-нибудь серьезное. Причина, почему Томас не отвергал моей дружбы, заключалась в том, что сам он был человеком очень любознательным, и таким я его запомнил навсегда. Особенный интерес у него вызывали всякие звуки, и постоянное распознавание звуков составляло чуть ли не основу его существования. Родившись в джунглях и прожив там всю жизнь, он, в конце концов, мог безошибочно указать кто или что издало тот или иной звук в

чаще леса, поскольку слышал их ежедневно, помногу раз, так что они надоели ему почти до отвращения.

Когда же я сказал, что сельва всегда вызывает у меня чувство удивления, он ответил:

– Так кажется таким, как ты, тем, кто приехал сюда извне. Но для нас, родившихся здесь, она совершенно однообразная и монотонная.

Наверное, поэтому «Черному» Томасу нравилось проводить время со мной и слушать, как я говорю. Все остальные старатели, обитатели лагеря, по его мнению, имели очень ограниченный словарный запас – похожий на его – а он знал все их слова. Но его всегда интересовали слова новые, они казались ему прекрасными, независимо от смысла, что содержали в себе и, как следствие этого, слова воспринимались им либо как хорошие, либо как плохие, и не из-за того, что они обозначают на самом деле, а просто звучат мелодично, звонко, ярко. Например, «альбондига» (разновидность фрикаделек) и «автомат» заставляли его сжимать кулаки и выкрикивать, не сдерживая восторга: «Черт возьми!», тогда как слова «родина», «прогресс», «цивилизация» оставляли совершенно равнодушным.

Подобная странная любовь к разным словам, к звукам и даже к шуму привела к тому, что он никогда не расставался со своим радиоприемником, чье присутствие в глубине сельвы, на приисках, многим могло показаться совершенно неуместным.

В тот день, когда «Черный» Томас впервые услышал и увидел транзистор, он был впечатлен и очарован, и рассказывал мне, что с того самого момента все свои силы кинул на то, чтобы добыть для себя такой радиоприемник, и не останавливался ни на мгновение, пока ему не привезли один – за какую-то астрономическую сумму – из Каракаса. Очень часто, когда он работал в русле реки, закидывая песок в желоб, где потом искали алмазы, его радио висело рядом, на ветке дерева, оглашая окрестности чаще треском и скрежетом, чем какими-то понятными и различимыми звуками. За сотни километров от ближайшего центра цивилизации, в глухом уголке Гайаны, под сводом из густо переплетенных ветвей огромных деревьев, очень редко получалось поймать какую-нибудь радиостанцию, но, судя по всему, это совершенно не беспокоило «Черного» Томаса. Он всегда внимательно слушал звуки, доносящиеся из динамиков, и время от времени поднимал голову и, улыбаясь, спрашивал:

– Слышал? Я совершенно уверен, что он сказал «Копакабана». Черт меня побери!

Много времени я провел в джунглях вместе с «Черным» Томасом. Это он научил меня находить алмазы в излучине реки, разбираться в звуках сельвы и охотиться с помощью ловушек. А я, в благодарность за это, говорил и говорил с ним, стараясь использовать самые яркие, самые звонкие слова, какие раньше никогда нигде не употреблял, и которые очень часто были лишены какого-нибудь смысла.

Сейчас же, узнав о его смерти, я попытался было вспомнить те слова, что вызывали у него наибольший энтузиазм.

Альбондига!

Автомат!

Глава третья Алмазы

Вдоль основной улицы города Пауль, что называлась «Главной», тянулись лачуги из дерева и цинковых листов, вперемежку с магазинчиками и тавернами, где можно было закусить и выпить безалкогольных напитков, а также дома подозрительного вида, на пороге которых стояли, демонстрируя свои прелести, «охотницы за охотниками на алмазы», а еще лавки, где каждый день перекупщики спорили со старателями о цене найденных камней, и наконец кинотеатры. Да, именно кинотеатры. Хотя это может показаться необычным и даже лживым, но в том городе, чья жизнь началась лишь семь месяцев назад, и что был обречен на забвение и исчезновение, уже существовало десять кинотеатров, и все они, на самом деле, представляли из себя лишь площадку с экраном на открытом воздухе, обнесенную со всех сторон стеной. И по этой улице бродят толпы старателей с их огромными «сурукас» за плечами, с лопатами и ведрами в руках, мужчины и женщины, юноши и старики, а торговцы зазывают их в свои лавки, чтобы завладеть тем, что дали им шахты в этот день. За свои первые три недели существования в Сан-Сальвадоре было реализовано алмазов на сумму семьдесят миллионов песет, хотя, когда я приехал туда, добыча упала существенно, но все равно опытный старатель мог заработать за день до десяти тысяч песет. По расчетам, если лавина желающих попытать счастье на приисках не уменьшится, то это месторождение иссякнет очень быстро.

Камни, которые находили там, не были ни крупными, ни высокого качества, но все же иногда появлялись алмазы весом до двенадцати и больше карат. Стоимость одного карата в шахтах или в лавках перекупщиков на «Главной» улице могла колебаться от пяти до шести тысяч песет, но следует иметь в виду, что камни эти еще должны были быть отшлифованы.

В конце этой улицы начиналось само «месторождение» – плоская местность, покрытая белым, влажным, липким песком, где можно было легко провалиться по колени и выше. Участки, где работали старатели, извлекая породу, соседствовали с горами из отработанного материала ослепительно белого цвета, и весь этот пейзаж больше походил на тот, что можно видеть на фотографиях лунной поверхности.

Старатели трудились без устали, и очень часто работали группами. Пока одни наполняли ведра породой, другие относили их, и последние промывали принесенную породу в неглубоких бассейнах, сооруженных здесь же. Для того, чтобы промыть породу, использовали большие тазы с решетчатым дном, называемые «сурукас», вложенные один в другой, так что их количество было от трех до пяти штук, от самого широкого, где могли застревать камни размером с фасолину, до самого маленького, через который мог просочиться лишь мелкий песок.

Смешав породу с водой, старатель крутит и раскачивает тазы, и с каждым движением его опытный взгляд определяет, остались ли на дне «сурука» стоящие камни или вся порода пойдет в отходы. Время от времени внимание его обостряется, и он начинает прощупывать пальцами, после чего, обычно, вылавливает маленький алмаз, поднимает руку и показывает его своим товарищам.

Работа эта изматывающая, люди работают так с рассвета и до наступления ночи, под палящими лучами безжалостного солнца, про силу которого знают только те, кто прочувствовал его на себе и достаточно изучил венесуэльскую Гайану.

Стоит ли это всех трудов?

Трудно дать однозначный ответ. Я знал нескольких старателей в Пауле, кто за пять месяцев заработали более миллиона песет. Верно также и то, что многие, не выдержав, ушли под землю, и ушли без гроша в кармане.

Лихорадки, усталость, насекомые и змеи очень быстро расправляются даже с людьми сильными, физически крепкими, и нужно еще добавить сюда отвратительную еду, жизнь неор-

ганизованную, беспутную, и тогда становится понятно, почему никто из искателей алмазов не уехал из Гайаны с карманами полными денег.

На самом деле Сан-Сальвадор де Пауль нельзя было рассматривать как типичный лагерь искателей алмазов. Нет, он, конечно, был лагерем, где жили старатели, но и одновременно был чрезвычайно большим, чрезвычайно шумным и многолюдным. Новость о том, что открыто новое месторождение алмазов, так называемая «бомба», мгновенно облетела всю страну и получила такую популярность, что в те земли поехали люди, которые никогда в своей жизни ранее даже не думали и не мечтали посвятить себя поиску драгоценных камней.

Студенты, рабочие, конторские служащие, даже домохозяйки бросили все, что у них было в Каракасе, ринулись покупать билеты на самолет с одной целью – окунуться с головой в эту авантюру – найти в Пауль алмаз, который сделает их богатыми до конца жизни, при этом никакого опыта, никаких знаний у них не было, и весь их багаж состоял лишь из голого энтузиазма.

Это и была причина, приведшая к такому чудовищному росту этого города, где все выпирало, выходило за рамки обычного так, что в какой-то момент даже пришлось вмешаться Национальной Гвардии и Армии. Там не действовал, как в других лагерях старателей, закон «свободных людей».

Обычно старателями становятся те, кто родился в том же регионе, дети других старателей либо авантюристы, приехавшие из разных, иногда отдаленных уголков мира. В то время, когда я попал в Гайану в первый раз, там собралось много беглых нацистов, они забрались в те места в надежде скрыться от каких-то, каких не известно, преследователей, а также преступников, сбежавших из французской тюрьмы в Кайене. Просто так получилось, что в Венесуэле действовало правило, по которому сбежавшие заключенные могли жить на территории страны при условии, если они не будут пересекать реку Ориноко и не пойдут дальше на север.

Все это я рассказываю лишь потому, чтобы было понятно какого рода люди встречались на маленьких месторождениях алмазов и какого рода воспоминания остались у меня о них.

А сейчас я попал в город без пьяниц и дебоширов, без искателей приключений, без убийц и беглых преступников, где по улицам ходили студенты-медики, служащие банков и рабочие, оставившие свои стройки. И, в самом деле, этот огромный лагерь старателей производил достаточно своеобразное впечатление.

Но это не означало, что в Пауле не было привычных для Гайаны искателей приключений, нацистов и беглых заключенных. Такое большое месторождение, конечно же, привлекло и их внимание, но из-за присутствия полиции и армии, они предпочитали держаться в тени, вели себя скромно и не привлекали к себе внимания.

Некоторую часть времени, что я провел в Сан-Сальвадоре, я посвятил поискам другого моего товарища – «Катире» Себастьян и, в конце концов, наткнулся на одну проститутку, что знала его.

– Он остался там, ниже по течению, в Эль Мерей. Не захотел приезжать сюда. Сказал, что все это слишком «вяло» для него.

Зная «Катире» достаточно хорошо, это меня совсем не удивило. Хоть он и был одним из тех типов, кто появился на свет, чтобы бродить по нему до самой смерти, не имея постоянного угла для жизни и смотря на все скептически, остальные люди, особенно когда они собираются в каком-то месте в большом количестве, беспокоили и раздражали его очень сильно. Для него пятнадцать тысяч человек в Пауле было равносильно десяти миллионам в Нью-Йорке и трем миллионам в Мадриде.

Я так никогда и не выяснил ни где он родился, ни когда. Он мог быть испанцем, но его светлая шевелюра, за что его и прозвали «Катире», была слишком белокурой для испанца, а голубые глаза, что смотрели на все с отсутствующим выражением, слишком голубыми. На кастельяно он говорил без ошибок, но с небольшим криольским акцентом, что, без сомнения,

был приобретен после многих лет, проведенных в Венесуэле, но и по-английски и по-французски он изъяснялся достаточно правильно, хотя так и не удалось выяснить, где он мог научиться.

Очевидно, что «Катире» – результат какой-то войны, и этого он никогда не отрицал и не скрывал, да это у него и не получилось бы, поскольку достаточно было взглянуть на него, и любые сомнения пропадали. Все его левое предплечье представляло из себя один большой шрам, и ему стоило определенного труда шевелить этой рукой, а когда погода менялась и ожидался дождь, то рука сильно болела. Однако, когда он начинал рассказывать про войну – о чем говорил крайне редко – никогда ничего не описывал конкретно, не указывал ни одной детали ни о фронте, где он был, ни о той стороне, на которой воевал. Говорил всегда уклончиво, а когда рассказывал какой-нибудь эпизод, то там были либо «наши», либо «другие», и никто не интересовался у него кто такие эти «наши» и кто были те, «другие».

Я тоже этого не делал. Мне казалось, что между нами существовало молчаливое понимание того, что если он чего-то не договаривал, то со своей стороны я не должен был спрашивать, и, скорее всего, не получил бы никакого ответа.

В отношениях с «Катире» важно было не только что он говорил, но и как он это делал. Он почти всегда был в центре внимания и веселых выходок старателей, когда лежал в своем гамаке перед входом в хижину, опустив сомбреро на самые глаза, чтобы солнце не мешало, а у тех только и было развлечений, что напиться, поиграть в карты, да поболтать с Себастьяном.

Никто никогда не видел, когда он отравлялся на поиски, когда спускался к реке или уходил в джунгли. Казалось, что вся его жизнь была разделена на три этапа:

первое, дремать под шляпой, полностью закрывавшей его лицо; второе, приподнять край шляпы и взглянуть – иногда только одним лишь глазом – на того, кто с ним говорил; и третье, опустить руку, дотянуться до бутылки с ромом, всегда стоящей рядом, наготове, и поднести ее к губам.

Бывали, правда, дни, когда он кнутом безуспешно пытался отогнать бродячего пса, имевшего отвратительную привычку подкрадываться и лизать горлышко бутылки. Да и так и не удалось узнать, то ли этому псу нравился ром, то ли он забавлялся, увертываясь от ударов кнута, что было совсем нетрудно, потому что «Катире» никогда не прикладывал особенных усилий к этому, и как лежал в гамаке, так и продолжал лежать там, не меняя позы.

И, не смотря на все это, все равно создавалось впечатление, что «Катире» Себастьян был бродягой. Может быть так оно и было на самом деле, но у меня как-то не получалось убедиться в этом, скорее он напоминал человека, потерявшего интерес ко всему вокруг, человека, который уже ни от кого ничего не ждал, и который сдался перед дремотным состоянием, характерным для тропиков, перед этим климатом, и был уже не в состоянии даже подняться и пойти поискать свой револьвер, чтобы пустить себе пулю в лоб.

Но все-таки, у него была собственная жизнь. Жизнь, которая, возможно, была лишь наполнена воспоминаниями о некой другой жизни, давно прошедшей. Но существуют же и такие люди, живущие лишь воспоминаниями, что для них более важны, более достойны быть пережитыми еще раз, пусть и мысленно, чем окружающая их реальность.

Прошло изрядно времени, прежде чем у меня получилось узнать хоть что-то про Себастьяна. И то, что я узнал удивило меня. Совершенно невероятно, но в таком человеке, как он, вера в Бога была невероятно сильна, и это было, наверное, последнее, что можно ожидать от того, кто постоянно «вертится» среди старателей, авантюристов всех мастей, вороватых шлюх, беглых преступников и мошенников.

Но эта вера, однако, очень отличалось от тех представлений, какие обычно встречаешь среди монахов и проповедников, хотя вера его была, что называется, очень «крепка». И в его представлениях о Боге было многое, что привлекало внимание, возможно благодаря необычным рассуждениям и выводам, к которым он приходил в конце.

Однажды, когда мы остались с ним наедине – он, как всегда, лежал в гамаке перед входом в хижину – признался мне:

– Знаешь? Есть одна вещь, одна черта, которой я хотел, чтобы не было у Бога – это Вечность. Думаю, что Бог, осознающий, что он рано или поздно умрет, лучше бы понимал людей.

Я удивленно взглянул на него. Не знал что и ответить, а он продолжил:

– Я не имею в виду какое-нибудь высшее существо, которое может быть полностью уничтожено. Нет. Я говорю о том, чтобы он мог, в конце концов, эволюционировать, трансформироваться точно так же, как это делаем мы, превращаясь в бестелесный дух. Вечная неподвижность, когда остаешься одним и тем же в течение столетий – это меня ужасает. Меня и Бога.

Глава четвертая Венесуэла

Единственного, кого я встретил в Пауле, был старатель, наполовину сумасшедший, которого все звали «Русским», но это был не тот русский «Канталехо», которому «Черный» Томас отрубил пальцы много лет назад. Этот же был владельцем маленькой забегаловки, где продавал напитки и еду, расположенной рядом с месторождением алмазов.

Он был одним из первых, кто объявился в этих местах, и специально выбрал для себя участок, где мог бы не только намывать алмазы, но и одновременно с этим вести какую-никакую торговлю. Метров пятьдесят отделяли его участок от другого, и как-то некие старатели, кому достался участок расположенный хуже и дальше, предложили выкупить у него эту таверну, чтобы снести ее и начать искать алмазы на ее месте.

Этого Русского я помнил очень хорошо, потому что он как-то пытался продать мне шпагу, изготовленную в шестнадцатом веке, которая, как он уверял, была найдена им в верхнем течении Карони, рядом с горами Сьерра-Паракаима. А это означает, что когда-то, в тысяча пятьсот каком-то году, в тех местах, куда теперь с большим трудом можно добраться только на самолете, побывал некий испанец и потерял там свою шпагу.

Когда я нашел «Русского», выглядел он очень постаревшим и усталым. Последние четыре года он провел в тюрьме «Эль Дорадо», а это может покончить с любым. Его обвинили в том, что он якобы убил одного скупщика алмазов и украл у него камни. С тем сроком, какой дали ему, можно было и не мечтать выйти оттуда. На его счастье вскоре открылось, что не он ограбил того человека, хотя мог и убить во время спора, и его выпустили на свободу.

Поскольку после всех проблем и злоключений выглядел он очень измотанным, я спросил его, как у него хватило силы воли, да и просто сил остаться в Гайане. В ответ он лишь пожал плечами.

– А куда мне прикажешь идти? – сказал он. – Я был одним из первых, кто приехал сюда, в Пауль, когда здесь послышался «звон», что разнесся по всей стране – «музыка», какую издают алмазы. Прошло уже пять месяцев, и я заработал семьдесят тысяч боливаров. Где я еще смог бы заработать столько?

– А зачем тебе эти деньги? Ты же тратишь все, что зарабатываешь… – ответил я ему. – Ты погубишь себя в шахте, и у тебя никогда ничего не будет.

– Сейчас, да, – угрюмо подтвердил он. – Но у меня имеется «аптечка», поддерживающая меня – моя таверна – и я коплю понемногу. Если продолжу добавлять, как сейчас, то смогу купить самолет.

– Самолет? – удивленно переспросил я. – А зачем тебе самолет?

– Чтобы открыть здесь, в Великой Саванне, транспортную компанию. Я хорошо знаю этот регион и уверен, что будущее за самолетами.

– Умеешь пилотировать.

– Нет, но научусь.

– В твои-то годы?

– Так мне всего-то сорок один.

Я взглянул на него удивленно. Любой, кто бы увидел его, мог бы поклясться, что ему уже за семьдесят. Но я поверил, что он не «скинул» лишние года, просто сельва, шахта и «Эль Дорадо» могли запросто превратить любого юнца в старика.

Я попросил его рассказать про «Эль Дорадо», но он отрицательно покачал головой и сказал:

– Там настоящий ад, мальчик. Лично я предпочитаю не вспоминать об этом.

А я не стал настаивать, к тому же это было бесполезно. Весь остаток дня я провел с ним на его участке, где, конечно же, мы не нашли ничего за весь вечер.

– Это месторождение начинает истощаться, – прокомментировал он, когда мы вернулись к нему таверну, что одновременно служила жильем. – Если найдется хотя бы один, кто купит у меня все это за хорошую цену, то я сразу же уйду на юг.

– Но там, на юге, нет ничего кроме гор Паракаима, – возразил я. – Ты что, полезешь в эти горы?

– Я еще не спятил, – ответил он. – Дикари, обитающие в тех горах, дурные люди. Но там, рядом с этими горами, протекает одна речушка, где всегда можно найти какой-нибудь камешек… Я должен собрать денег и купить самолет.

Я оставил его наедине с его иллюзиями. Я думаю, что он до сих пор цепляется за свою мечту, потому что в Гайане можно быстро разбогатеть. А, может быть, он уже умер, потому что там умирают еще быстрей.

Что касается меня, то я вернулся в Каракас, опять через Пуэрто-Ордаз, где попрощался с Педро Вальверде. Я пожалел, что не добрался до Тукупита, где жил мой старый товарищ, Франк Гарсиа-Сукре, с ним мы когда-то, в молодые годы, хорошо порезвились в Мадриде.

В Каракасе генерал Раварт очень обрадовался, узнав, что выбранное им место мне понравилось, и пообещал на следующей неделе представить проект «Операция Ноев Ковчег» президенту Рафаэлю Калдера.

Я бы с удовольствием остался и дождался решения, но в те дни, в очередной раз, в Центральном Университете Каракаса начались волнения, и потребовалось вмешательство Армии, а потому президент был слишком занят, чтобы заниматься делами по переселению каких-то африканских животных.

На самом деле, проблема студенческих беспорядков не оказалась такой уж важной и генерал Раварт, все-таки, спустя несколько дней после моего отъезда, смог побеседовать с президентом о моем проекте и получил одобрение.

К счастью, и не смотря на эти спорадические всплески студенческого недовольства, сейчас Венесуэла, после двенадцати лет демократического правления, представляет из себя пример того, что испаноговорящие страны, несмотря на все возражения, могут управляться в пределах законодательства и принципов демократии и даже могут менять политический курс, без того, что это приведет к очередным проблемам.

В те времена, когда большинство соседей – Аргентина, Бразилия, Парагвай, Боливия, Перу и Панама – оказались в очередной раз под гнетом тоталитарной милитаристской системы, хотя казалось, что с подобным было давно покончено на континенте, то страна, добывающая нефть, которая, исходя из общих рассуждений, должна была оказаться тем в большей опасности, чем богаче, тем не менее старается изо всех сил сохранить систему выборов, когда правительство избирается путем всенародного голосования и эти усилия поддержаны волей всех ее жителей.

Несколько лет назад никто, даже самый оптимистичный наблюдатель, не смог бы поверить, что в стране из этого полушария демократия сможет просуществовать долгих двенадцать лет, хотя внутри и происходила передача власти между группами, которые можно считать политическими врагами, и, однако, в Венесуэле подобное происходило. И не стоит забывать тот факт, что в прошлом Венесуэла пережила самые худшие военные диктатуры – диктатуру Хуана Висенте Гомеса и Маркос Перес Хименес – и, следовательно, сохранила достаточно глубокие традиции, присущие диктаторским режимам, точно так же, как и изрядное количество «ультрас», что все еще с ностальгией вспоминают «золотые годы, когда правил любимый генерал».

«Быть венесуэльцем – это профессия» – так говорили когда-то, но те времена уже прошли. То были годы, когда иммигранты толпами въезжали в страну, и когда экономическое развитие Венесуэлы достигло небывалых высот, когда сюда приезжали люди со всего мира, лишившиеся из-за войн или по другим несчастливым причинам родины, благосостояния и надежд.

Для миллионов человеческих существ страна превратилась в Землю Обетованную, и еще верно то, что здесь осуществились ожидания большинства из тех людей, несмотря на недовольство и оппозицию самих венесуэльцев.

В стране существует множество классовых групп, и образ мыслей у них иногда разнится очень существенно. Мало общего между жителями равнин и неграми с Маргариты. Но так уж получилось, даже сравнивая с любым другим местом испаноговорящей Америки, а может быть даже и со всем Земным шаром, но настоящий венесуэлец проживает исключительно в столице. Каракас одновременно и впитывает в себя все национальные черты и сводит их на нет у всего остального населения страны, никакой другой город не похож на него и не может сравниться с ним.

Обитатели равнин – люди по характеру своему жесткие, меланхоличные, задумчивые и очень привязанные к своей земле – иссушенной или болотистой в зависимости от времени года – они живут этой землей и только для нее, и для своего скота, они неразговорчивы и практически не представлены в общественной жизни нации. Они постоянно на равнине, а равнина в Венесуэле, они любят свою равнину, а, следовательно, и Венесуэлу. Но случись так, что эти равнины оказались бы где-нибудь в Бразилии или Колумбии, то они точно так же полюбили бы любую из этих стран. Жители равнин добавляют щепотку твердости в характер венесуэльца, точно так же, как негры с побережья нотку живости, а индейцы из гайанской сельвы немного экзотики и примитивизма. Но все это лишь дополнения к тому, что составляет личность жителей Венесуэлы, а их личность, как я уже говорил, концентрируется вокруг и полностью поглощается Каракасом.

А жители этого города, в свою очередь, яростные националисты, хотя и националистические черты, в общем-то, присущи всем испаноамериканцам, но вот в венесуэльцах этот национализм особенно заметен, и он больше, чем просто гордость, больше, чем их отличительная черта.

Для венесуэльца быть венесуэльцем – это не просто принадлежать к определенной нации, это, прежде всего, возможность выделиться среди тех, кого называют чужаками, приезжими, кого именуют «мусиус». И именно иммиграция оказала решительное влияние на формирование этой черты в креольском характере. Привычные к жизни размеренной и почти провинциальной, они вдруг оказались среди огромной массы отчаявшихся людей, прибывших сюда отовсюду в надежде начать новую жизнь, и настроенные весьма решительно, чтобы пробить в этой жизни дорогу – дорогу, как можно более широкую – и, как следствие, креолов, неожиданно для них самих, захлестнули эти людские волны, и их почти снесли те, у кого ничего не было, но кто очень хотел получить многого.

Итальянцы, португальцы, испанцы, немцы, славяне, даже арабы, евреи и турки прибыли сюда с пустыми руками, не гнушались работать за гроши, иногда лишь за еду, готовые отнять работу у тех, у кого она уже была, и выполнять ее за половину прежней оплаты, за десятую часть цены.

Волна за волной приезжали сюда люди, кого в Европе расшвыряла война. Но креолы не были готовы к подобному вторжению и вначале растерялись, затем эта растерянность сменилась раздражением и, в конце концов, все это переросло в ярость, и чтобы хоть как-то защитить себя от тех, кто оказался более сильным, они выработали в себе то, что теперь мы называем «венесуэльским характером», эту смесь из презрения, злости и одновременно страха, и что в течение многих лет служила им и оружием, и системой, а после того, как людское море схлынуло, осталось в виде привычки.

Очень многие указывают и даже обвиняют их в том, что сделали они это из-за своей неспособности, из-за того, что не были достаточно стойкими и не смогли удержать свои позиции перед чужаками, кто оказался более трудолюбивым и более хитрым, но, в конце концов, не стоит обвинять только их самих. Не их вина, что мир накрыла война, что появились миллионы

голодных людей, готовых ухватиться за любую, малейшую возможность, какая им представилась.

Но, тем не менее, все закончилось почти неожиданно. Весь этот феномен взрывного развития и иммиграции остановился, буквально умер, 23 января 1958 года после свержения диктатора Переса Хименеса. Начиная с этого момента, та часть венесуэльского общества, представлявшая из себя самые низшие сословия, и кто больше всех ненавидел иностранцев и винил их в том, что это они поддерживали диктаторский режим – ошибочно, конечно – начали расправляться, практически безнаказанно, с теми, кого считали чужаками.

Наступили тяжелые времена для «мусиус», когда со всех сторон слышались оскорбления, некоторых преследовали, на других нападали, были случаи убийств, но полиция ни во что не вмешивалась. Общество охватил необычный психоз, которым очень быстро воспользовались разные маргинальные элементы и политики, а правительство в лице Военной Хунты Вольфганга Энрике Ларрасабаль не делало ничего, чтобы остановить происходящее. Эта Хунта была очень популярна в народе, хотя, на самом деле, ее нужно назвать «популистской», и эти люди превратили древнее правило «хлеба и зрелищ» в «хлеба и иммигрантов» и добились того, что те, кто, спасаясь, приехал в страну, опять почувствовал себя в опасности, и люди начали возвращаться туда, откуда в свое время уехали. Многие из них в одно мгновение потеряли не только новую родину, но и дом, и годы упорного труда, начался один из самых мрачных и отчаянных исходов, известных в истории.

Позже был принят закон, закрывший для иммигрантов раз и навсегда въезд в Венесуэлу, и это была самая большая ошибка, совершенная в этой стране за всю ее историю. Уже было доказано, и еще неоднократно будут появляться доказательства, что нации, проживающие на Американском континенте – включая и сами Соединенные Штаты – нуждаются в постоянном притоке иммигрантов, если хотят продолжить свое развитие, без иммиграции они обречены на исчезновение. Следует принять во внимание, что большинство из тех республик по протяженности своих территорий превосходят любую из европейских стран, а плотность населения там очень низкая. Но важнее, чем количество людей на квадратный километр, тот факт, что взрослое население не имеет необходимой подготовки и образования. Считается, что шестьдесят процентов населения испаноамериканских стран, как это пишется в анкетах, «не пригодны», «не готовы», а подготовить и обучить их – занятие слишком дорогое.

Не осталось ни технического персонала, ни ремесленников, ни тех, кто бы смог обучить, и потому пришлось приглашать рабочих, специалистов в разных областях, чтобы те начали готовить соответствующие кадры. Пришлось платить им очень высокие зарплаты, тогда как раньше эти же самые люди приезжали по собственной воле, обучали всех, кто пожелал учиться, и создавали рабочие места, обустраивали мастерские, небольшие фабрики и даже крупные предприятия.

Подавляющая масса креолов, действовавшая в ущерб себе и не обладающая здравым смыслом, свойственным безграмотным беднякам, была убеждена в том, что, когда иммигранты уберутся восвояси, то все, что останется после них, попадет к ним в руки, но хоть так и случилось, однако как поступить и что делать со всем этим имуществом они не знали. У них не было ни необходимой подготовки и не было желания учиться – другими словами, не было тех самых ценных качеств, что иммигранты привезли с собой. Любой работающий венесуэлец был хорошо обеспечен, работал ли он с иностранцами или без них. Во времена диктатора Переса Хименеса были приняты соответствующие законы, защищавшие их права, и даже существовало требование принимать на работу определенный процент местных жителей, и таким образом тот, кто что-то умел делать, получал еще и рабочее место.

Без работы остались только те, кто и так ничего не умел делать и ничему не хотел учиться. Они остались в том же положении, в каком и были до эмиграции. А сейчас, после того, как большинство предприятий закрылось, когда люди, основавшие их, вернулись обратно в свои

страны, те, кто работал, эту работу потеряли. В результате безработица выросла значительно, и вместе с тем уровень жизни упал существенно.

Однако, и это весьма симптоматично, продолжает оставаться невероятный спрос на хороших специалистов в той или иной области – хороший механик, знающий свое дело техник или бухгалтер получают такие зарплаты, что с нашей точки зрения могут показаться сказочными. Не так давно строительная компания, занимающаяся возведением плотины в Гури, вынуждена была пригласить на работу триста плотников из Италии, специалистов по изготовлению опалубки, а зарплату платили им золотом. Многие из них оказались иммигрантами, уехавшими из страны в 1958 году.

Глава

пятая

Рай для наркотиков

Меньше чем за час самолет перенес меня из аэропорта Майкетия на Исла Верде в Сан-Хуан де Пуэрто-Рико, где мне пришлось, как всегда, терпеть надоедливые расспросы американцев и тщательный досмотр моего багажа, и хотя большинство из них не знают и слова по-испански, тем не менее ведают пуэрториканской таможней.

Как известно, на острове сложилась особенная форма правления, названная «Свободное Ассоциированное Государство», при котором жители страны имеют право избирать своего губернатора, имеют американский паспорт, но в то же время среди разных обязательств, коих не мало, они должны разрешить американцам заниматься их армией, определять их политику и заодно командовать таможней.

Уже наступила ночь, когда я, наконец, добрался до своего отеля – небольшой «Да Винчи», очень скромный и очень уютный, хотя и расположен в самом сердце Кондадо, затерявшись среди огромных отелей для американских туристов, где мне пришлось как-то остановиться и что я ненавижу делать.

Этот отель мне посчастливилось открыть для себя несколько лет назад, здесь вполне приемлемая итальянская кухня и нет казино. Кроме того, цены значительно ниже стандартных тридцати пяти или сорока долларов за день, что платят в больших отелях только за то, чтобы переночевать там.

Сегодня Пуэрто-Рико одно из самых дорогих мест в мире, и все это из-за нашествия американских туристов, кто за неимением средств, достаточных оплатить поездку в Европу или добраться до Южной Америки, прилетают сюда в поисках экзотики, пляжного отдыха и самых разных женщин, а заодно и таких развлечений, как азартные игры, наркотики и, конечно же, проституция.

Потому что, к великому несчастью, Сан-Хуан де Пуэрто-Рико на самом деле превратился в один из самых коррумпированных городов в мире, может быть даже хуже, чем была Гавана до прихода Фиделя Кастро.

Когда с падением режима Фульхенсио Батиста, Гавана перестала быть борделем для Соединенных Штатов, многие кубинцы, успешно способствовавшие превращению своей столицы в это заведение, и заодно американцы, поддерживавшие их в этом, обратили свои взоры в сторону Пуэрто-Рико. И можно с уверенностью утверждать, что за десять лет они добились поставленной цели почти в совершенстве.

В больших отелях, расположенных на территории Кондадо, проститутки делают свой бизнес и в самом холле, и в баре, многие живут там же, а швейцары и менеджеры не замедлят указать клиентам отеля в каком номере их можно найти. Еще в каждом из этих отелей «гостеприимно» открыты двери в залы, где стоят столы с рулеткой, с «Блэк-Джек» и для игры в кости, и все это представляет основной бизнес для отеля, поскольку никакой большой отель не смог бы выжить без казино.

Помню, как лет семь назад, группа американских гангстеров открыла дорогой отель «Понс де Леон», но мошенничество в игровых залах достигло таких масштабов и приобрело такую скандальную известность, что их заставили закрыть казино. И сразу же отель сделался убыточным настолько, что пришлось продать его Хилтону. Руководство компании сменило вывеску, отель назвали «Сан Джеронимо» и открыли снова, но опять с казино.

Одно лишь присутствие рулетки или стола с «Блэк-Джек» под той же крышей, где вы живете, настолько соблазнительно, что бороться с этим очень и очень сложно. Из опыта моих прошлых путешествий могу с уверенностью сказать, что, несмотря на все мои усилия не играть

и даже не смотреть в ту сторону, но каждый раз, как я возвращался в отель, в каком бы часу это не случалось, прежде чем подняться к себе в номер, меня всегда тянуло испытать судьбу. И это «испытать судьбу» всегда заканчивалось потерей сотни долларов. Поэтому, а также исходя из других соображений, я предпочел переселиться в маленький «Да Винчи».

Но еще шире, чем азартные игры и проституция, здесь развернулась торговля наркотиками, наблюдая за которой можно видеть процесс деморализации, происходящий в пуэрториканском обществе.

Недавние статистические данные показывают, что в США на каждые 3 500 жителей приходится один заядлый наркоман, в Нью-Йорке на каждые 700 жителей, а в Пуэрто-Рико эта цифра сокращается до 250, что автоматически ставит эту страну на первое место по потреблению наркотиков в мире.

Только зарегистрированными числятся 15 000 человек, хотя по простейшим подсчетам их будет более 25 000, из которых около 10 000 проживают в столице, в Сан-Хуан. Считается, что, в общем и целом, Пуэрто-Рико потребляет четвертую часть всех наркотиков, ввозимых на территорию США на сумму более семидесяти миллионов долларов ежегодно.

На самом деле цифры ужасающие и власти признают, что ничего не могут поделать с этой волной порока. Преподаватели в университетах говорят, что почти 65% студентов курят марихуану, потребляют кокаин, героин или ЛСД.

Полиция же, со своей стороны, указывает на то, что 35 000 ограблений и нападений свершаются ежегодно именно наркоманами, и что большинство убийств, изнасилований и прочих тяжких преступлений, случающихся на острове, напрямую или косвенно связаны с приобретением и потреблением наркотиков.

Наибольший размах торговля наркотиками достигла именно на улицах Сан-Хуан, вокруг игровых залов и отелей Кондадо, и даже в садах Университета Рио-Пьедрас.

Когда я попросил моего старинного приятеля Карлоса организовать для меня встречу с каким-нибудь дилером, чтобы получить побольше информации о торговле наркотиками, то это не составило для него никакого труда.

Той же ночью он проводил меня в «Пеликан», одни из клубов, пользующихся особенной популярностью у молодежи, и представил некоему кубинцу, который без всякого смущения сказал, что сможет достать любой наркотик, начиная с «косячка» с марихуаной и кончая куском сахара с ЛСД.

– Но ЛСД не советую, – честно указал он. – Это не больше, чем игрушка для разного рода интеллектуалов и псевдоинтеллектуалов, кто верит, что посредством этой «штуки» смогут открыть истоки жизни. С помощью этого нельзя уйти от реальности, как с помощью морфия или героина, она не для нас, не для латиноамериканцев. Она не для тех, кто хочет «уйти», она для тех, кто хочет «забраться куда-то».

Тогда я понял, что он готов рассказать мне кое-что про торговлю наркотиками, и пригласил его выпить со мной, мне хотелось узнать побольше про ЛСД.

– Если рассматривать с точки зрения химии, то это не более чем диэтиламид лизергиновой кислоты, – продолжил он, – но для многих это еще что-то вроде спасительного нектара, с помощью которого они смогут, наконец-то, познать и понять самих себя. Самое очаровательное в этом деле то, что вокруг ЛСД образовалась, как бы, атмосфера снобизма, любители этого наркотика не только не стесняются своего порока, но даже наоборот – ощущают некоторую гордость, что не происходит, к примеру, с теми, кто потребляет марихуану или с кокаиноманами. Теперь мои клиенты – публика обеспеченная: адвокаты, врачи и особенно студенты. Вполне возможно, что в следующем году я поступлю в Университет, – с циничной ухмылкой добавил он. – Там у меня клиенты будут каждый день под рукой.

Затем он захотел продать мне ЛСД и попросил за дозу восемь долларов. Я отдал ему деньги и мы вышли на улицу. После того, как мы прошли пару кварталов, он остановился на углу и показал на освещенную витрину обувного магазина на противоположной стороне улицы.

– Под той витриной, на выступе, слева, на самом краю найдешь, что ищешь, – сказал он.

И, развернувшись, исчез в ночи.

А я пересек улицу и, в самом деле, нашел на кирпичном выступе под витриной кусок сахара, завернутого в полиэтилен, приклеенный жевательной резинкой к стене.

Содержал ли он ЛСД или нет – этого я никогда не узнал, потому что выбросил все в первый попавшийся мне на пути канализационный люк, но я более чем уверен, что наркотик там был, потому что люди этого сорта не рискуют брать деньги и не отдавать товар – наркоманы не прощают подобного рода шутки.

Наркотики, проституция, безработица, голод и один из самых высоких уровней рождаемости в мире, и вот Пуэрто-Рико – красивейший, почти райский остров – превратился в место, где проблем больше, чем можно было бы предположить.

И все это произошло, хотя пуэрториканцы и не желают признавать, а часто даже думают наоборот, из-за присутствия на острове американцев.

Когда-то, в конце прошлого века, если уж быть совсем точным, то в 1898 году, Соединенные Штаты вышвырнули с острова испанцев и заняли их место, после чего обнаружили, что население, хоть и жило не очень богато, но и не бедствовало, по крайней мере никто не голодал, не бедствовал и не было той деградации, как сейчас.

Три четверти земель, пригодных для обработки, были поделены на маленькие участки, поместья, где преимущественно выращивали продукты для собственного потребления: картофель, кукурузу, фасоль, ямс, что позволяло населению вести жизнь независимую и достаточно комфортную.

Однако, почти сразу же, как американцы обосновались на острове, они скупили все мелкие хозяйства и устроили там большие плантации, где выращивали ограниченное количество сельскохозяйственных культур, ориентированных на индустрию производства сахара и табачных изделий. С тех пор и до сих дней существуют компании, владеющие плантациями площадью более 50 000 акров и охватывающие самые плодородные земли на острове. Это привело к тому, что сегодня шестьдесят процентов всего сельскохозяйственного экспорта составляет сахар, а прибыль идет в карман лишь горстке собственников этих плантаций, преимущественно американцев, проживающих на континенте. Тогда как оставшиеся два миллиона пуэрториканцев обречены влачить жалкое существование и импортировать основные, жизненно необходимые продукты питания. Поскольку продукты должны завозиться исключительно из Соединенных Штатов – а это напрямую связано таможней – одной из самых дорогих стран в мире, то можно понять, почему в Пуэрто-Рико стоимость жизни достигает таких астрономических значений, недоступных для большинства местного населения.

Известно, что ежедневная диета подавляющего большинства пуэрториканцев ограничена фасолью и рисом с добавлением небольшого количества вяленой трески, и если в настоящее время проблема с голодом стоит довольно остро, то нужно еще подумать и о приближающемся новом тысячелетии, когда население острова, по предварительным расчетам, вырастет до пяти миллионов.

Для того, чтобы решить этот, довольно таки важный вопрос, правительство не нашло ничего более разумного, кроме как начать компанию по планированию семьи и рождаемости. В дни моего пребывания на острове и в Сан-Хуан, ни кто иной, а именно сам губернатор, Луис Антонио Ферра, заявил:

– Мы занялись великим делом: мы начали готовить нашу молодежь для жизни в лучшем мире, более богатом, изобильном, более справедливом. Но достичь этого не просто, потребуется преодолеть самое опасное из препятствий, стоящих на нашем пути: наш демографиче-

ский рост. Если мы не сможем ограничить уровень рождаемости, то никогда не сможем найти решение наших фундаментальных проблем. У нас никогда не будет достаточно рабочих мест, не будет денег на образование и здравоохранение для всех. У нас никогда не будет достаточно жилья, заводов и фабрик, больниц, дорог. Эта «великая задача» станет недостижимой. Наша ответственность перед будущими поколениями, следовательно, определена достаточно четко: мы должны начать широкомасштабную и тщательно продуманную программу по планированию семьи.

И в качестве первого шага по реализации этой «великой задачи» некая Ассоциация называемая «Благополучие Семьи» начала обучать в больницах как пользоваться таблетками для прерывания беременности, а позже департамент здравоохранения принял самое активное участие в этой компании. Первые же зарегистрированные результаты показали, что уровень рождаемости сократился существенно и продолжает падать: с 34,5 на каждую 1000 в 1956 году, до 24,9 на ту же 1000 в 1970 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.